

Но не пытайся для себя
хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем
сами —
Мы расточать, а не
копить,
Анна АХМАТОВА.

Девчонкой она бегала в балет, думала балериной стать. А кончила школу — поступила в лесотехнический институт. Ни о чем не думала. К счастью, от карьеры лесничей спасло замужество. С мужем-актером уехала в Ярославль, он там работал в театре, устроилась балетмейстером, не зря ведь балетом занималась...

О театре и драме слышать не могла. Куда там! Но был однажды прорыв — актриса, которая играла какую-то девицу в «Орленке» (есть такая пьеса о Наполеоне II) заболела, заменить ее нечем, ну, и попросили Галину Николаевну Загурскую. Хоть упиралась, но не срывать же спектакль.

Нужно было всего лишь пройтись по сцене и сказать: «Мы в шарабане (приехали, мол), Сандор (кучер) правит». Вышла, глянула в зал, а там народу! Нужно говорить, а она как воды в рот набрала. Постояла молча с минуту и... ушла.

— Потом еще пару раз бросали меня «на подхват», когда что-нибудь «горело». Играла я чрезвычайно плохо. Первое время на сцене ходить не могла — ноги от страха сводило, со временем чуточку привыкла. Не знаю, сколько бы это все продолжалось, как — раз! Приглашают меня на работу в театр, актрисой. Были на гастрольях у нас артисты из Калуги... Что уж я им говорила, не помню; и что ничего не умею, что полная бездарность, что училась на лесничего... — вспоминает актриса.

Зачислили ее на самую низкую ставку. Играла в «ходовых» спектаклях главные роли. Шедевров, конечно, не было. Амплуа — «женщина-кокет». Кокетливая героиня. Вроде Беатриче в «Слуге двух господ». Публика валила, зал почти всегда бывал забит.

Трудно сейчас сказать, каким образом разглядели те заезжие артисты в Загурской проблески дарования. Ведь бывает так, в большом камне, который годится разве что в фундамент, вкраплен маленький самородок. И исчезает серость, неприглядность, первая кажущаяся непригодность. Камень начинают обрабатывать, отсекают ненужное, шлифуют замечательное до тех пор, пока не заблестят под руками мастера грани невиданной доселе красоты.

Для Загурской, видимо, все так и было. Первые режиссеры не щадили ее. Заставляли десятки раз повторять пустяковые роли, ходить в театральном платье и гриме, оттачивать голос и движение, забывать обо всем, что не имело отношения к спектаклю.

И пошло. Роли, театры, постановки, образы, герои... Недели, месяцы, годы. И как-то неожиданно пришло известие: ей присуждают звание народной артистки республики. Будто долго-долго поднимаясь вверх по тропе и вдруг — все! Конеч, перевал, с которого видно и начало дороги, и ее скользкие места, и крутые извилины... Большие и малые роли, мучительные поиски нового, бессонные ночи, боязнь заговорить штампами, повториться... Пришла слава, известность, уважение коллег, сладостно приятное для ушей шептание в фойе зрителей: «Видишь, это та самая Загурская!»

«Дарованное богом» не было для нее вечным двигателем, таким постоянным аккумулятором способностей. Потому что без постоянной зарядки, работы они быстро иссякают, оставляя несостоявшиеся притязания на что-то великое...

Она никогда не была полностью уверена в своих си-

лах. Нет, это был не комплекс неполноценности, тяжелым грузом лежащий иногда на плечах талантливых людей.

— Не нравится мне это слово — талант. Как-то стесняюсь я его. Уже больно ко многому обязывает, часто к тому, что не всегда выполняю, просто не в твоих силах. Ведь талант — это теснейшая связь всех элементов творчества, техники, это умение вовне проявить свое внутреннее богатство мыслей и чувств, это, наконец, способность волновать, радовать или огорчать людей! Увы, такой синтез человеческих возможностей встречается намного реже, выигрываешь автомобиль в лотерею...

Я не знаю, стал ли талант Галины Загурской тем самым «автомобилем в лотерею», но старые ташкентские театралы (да и не только они) до сих пор вспоминают «Хозяйку Нискавуори», где актриса блеснула своим

КРЕДО АКТРИСЫ

очищенным от всякой породы драгоценным камнем дарования так, что ее роль хозяйки стала эталоном истинного мастерства. Зритель увидел Загурскую не в роли, а в образе. Веселье и тоска, смех и слезы стали не маской героини, а лицом актрисы. И те, сидящие в зале зрители, поверили ей, вместе с ней волновались и радовались...

Как артист работает над ролью, какие трудности встают перед ним? В общем, это далеко не тривиальный вопрос, если отбросить уже известное — ничто не достается сразу.

Работа над собой... Порой адский, мучительно-калорийный труд. И дело не в том, что находясь с утра до поздней ночи под светом юпитеров и грим постоянно таит на разгоряченном лице, дело не в том, что зарплата артиста немногим больше, чем у рабочего сцены, что часами нужно репетировать, до хрипоты спорить или ругаться с режиссером, режиссером, постановщиком, отстаивая свое творческое кредо. Их необычайно много, вот таких «технических», побочных трудностей. Но главная...

— Каким бы великим и бессмертным драматург ни был, он никогда не сможет взять на себя заботу о твоём герое, о том, как он должен выглядеть сегодня, быть современным (не модным). Актёр сам примеряет себя к нему, а режиссер скажет — похоже или нет. Ведь артист не исполнитель чьих-то указаний, он сам приносит на сцену свое вдохновение, свой труд, свое искусство, которые «дирижер» складывает с другим, третьим, создает единую большую картину... Это и есть самая большая трудность — заставить себя верить в героя, если хочешь, чтоб в него поверили и другие. Это и есть самое большое и обязательное искусство...

И еще воля. ...Шел спектакль «Странная миссис Сэвидж». Я сидел в первом ряду у самого края в пол-оборота к сцене и к залу, стараясь одновременно наблюдать за артистами и зрителями.

Зал был далеко не полон. Я не театралный критик и не берусь судить, хорош или плох этот спектакль, или анализировать, почему в тот день в зале было мало зрителей. Меня интересовала добрая старая миссис Сэвидж — Галина Николаевна Загурская, как она относится к залу.

«В зал смотреть нельзя.

Во-первых, зрителю неприятно, когда на него начинают пялить глаза, во-вторых, актер отвлекается от главного. Нужно глядеть прямо, через головы сидящих, куда-то на заднюю стенку. И все-таки видна часть рядов. Пустых». Вижу, как взгляд задумавшейся миссис Сэвидж невольно ползет вниз, к первым рядам, где сидит совсем немного людей, а среди них один то ли беззвучно жует, то ли что-то шепчет соседу. И вдруг чуть слышно хрустнула шоколадная долька и — раз!... Я вижу взгляд не миссис Сэвидж, а Загурской! Взгляд грустный, то скливытый-тоскливый. Ручаясь, он длился всего мгновение, но он был! И я понимаю, как тяжело абстрагироваться от зала, как это мучительно трудно и необходимо...

— Я не согласна с тем, что ушли в прошлое времена, когда в театральные кассы были постоянные аншлаги, а «лишние» билеты разрывались на части. Будто театр отжил свой век, уступил место кино и телевидению, будто современный зритель не так тонок в ощущениях, рационален, огрубел... Нет, нет.

— Сегодня человека разухабистой театральной кляузой не прельстишь. Люди идут в театр, как на праздник, надеясь, что не останутся обманутыми, что увидят не только хождение по сцене или представление в лицах. Праздник — значит, постоянная свежесть образов, острота, пронзительность впечатлений, три часа раздумий о жизни. И насколько хорошо это получается, говорит зритель — ставит оценку или выносит приговор... Он требует от актера полной отдачи, он не простит легкомысленного отношения. Все или ничего...

Галина Николаевна задумывается:

— Гегель сказал: «Как бы я ни отодвигал звезду, я все же могу пойти дальше. Мир нигде не заколочен досками». Так и для настоящего творчества не существует границ. Нужно не только радоваться и плакать, замечать горе и праздники других, но и самим вызывать радость и подавлять горе, учиться, тянуться к самобытности, к собственному совершенству...

Не каждый день к Загурской приходят удач. Сегодня нельзя быть таким же, каким ты был вчера. А каким будешь завтра? Все время в тревоге за своего героя, за зрителя, которого боишься оставить равнодушным, ищешь новое, что-то находишь, чтоб потом отдать.

Репетиция, репет, повторение... Неправильно. Нельзя все время повторяться, невозможно стоять на одном месте. Вперед или назад. Репетиция — значит «вперед». Пусть не всегда быстро, пусть медленно, но идти, идти...

Зал темен, пуст, только посредине его маленький столик, за которым сидит режиссер — дирижер репетиции. Кого-то хвалит, кого-то укоряет, кому-то советует... Да, да, не праздник для актера спектакль. Никогда бы не подумал, что не так просто, например, выйти на сцену и сесть там за стол. Даже для народной артистки... Репетиция — значит идти вперед. Каждый день...

Мы вышли из театра вместе. В сквере отцвели тополя, на прохладных опушках тысячи маленьких парашютиков — летел тополиный пух, белый, мягкий, словно первый снег, словно последние письма. Плавню садился на лицо, плечи, руки. Смашиваешь его по-особенному осторожно, как боишься иногда раздвинуть белый шарик ответственного одуванчика, но это не всегда получается. Порой он разлетается. Теперь попробуй, собери... А Галина Николаевна держит его спокойно и уверенно. Ведь все-таки очень важно иметь аккуратные, спокойные, ласковые руки... И сердце, наверно...

В. ТАРБЕЕВ.